

УДК 81.42

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ О ТРУДОВЫХ МИГРАНТАХ

С.Л. Кушнерук

Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

Svetlana_kush@mail.ru

Представлены результаты когнитивно-дискурсивного исследования референциального аспекта миромоделирования на примере языковых выражений, обозначающих участников трудовой миграции в российских телеграм-каналах. Обосновано понимание дискурсивного мира трудовой миграции как репрезентационной структуры. Выделены субъектные центры – трудовые мигранты, местные жители, контролирующие органы, бенефициары. Установлено, что характер дискурсивной репрезентации формирует ракурс восприятия социального явления.

Ключевые слова: миромоделирование, репрезентация, референция, цифровая коммуникация, миграция, трудовые мигранты, социальные акторы.

Для цитирования: Кушнерук С.Л. Референциальный аспект миромоделирования в цифровой коммуникации о трудовых мигрантах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С. 112-124.

DOI: 10.20916/1812-3228-2023-3-112-124

1. Постановка проблемы

Беспрецедентное санкционное давление на российскую экономику со стороны Запада не повлияло на отток трудовых мигрантов, продолжающих работать в крупных городах. Эксперты опубликовали данные, согласно которым в 2022 г. в России насчитывалось более 3 млн. специалистов из других стран, занятых в строительстве, сельском хозяйстве, ЖКХ [URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/06/30/929354-kolichestvo-migrantov>]. Многие из них хотят задержаться здесь надолго. С одной стороны, такая перспектива решает вопросы экономического развития, т.к. трудовая миграция в целом выгодна нашей стране [URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/05/2022/62742d169a7947331f5f9a40>]. С другой, – перетекание трудовых ресурсов в Россию вскрывает многочисленные проблемы социального качества, связанные с адаптацией иностранных специалистов из Средней Азии (Узбекистана, Таджикистана, Киргизии), Молдавии, Азербайджана, Армении. Ключевые из них – радикализация мигрантов, их участие в преступной деятельности и попытка навязывания своих ценностей местному населению.

В этом контексте изучение миромоделирования в неинституциональных сегментах интернет-пространства, включая Telegram, является актуальным. Предлагается обратиться к общественно значимому феномену

трудовой миграции с учетом достижений функционализма. Цель, которую ставит перед собой автор, заключается в изучении референциального аспекта миромоделирования в цифровой коммуникации на основе анализа актуализированных языковых выражений, используемых для обозначения участников миграционных процессов. Принимая во внимание, что модераторы телеграм-каналов не стремятся к политкорректному выражению смыслов и открыто демонстрируют свою позицию в отношении людей, приезжающих в Россию на заработки, исследование позволит углубить представления об этнокультурных, психологических, социальных, когнитивных и языковых особенностях репрезентации социальной проблемы.

2. Методология исследования

Миграционные процессы традиционно являются объектом социальных наук, «измеряющих» отношение граждан своей страны к представителям инокультур. Проблемы вынужденной миграции с новой силой привлекают внимание ученых после кризиса 2015 г., когда европейские страны оказались в эпицентре массового притока беженцев, что предопределило всплеск националистических настроений, породило антимиграционные нарративы и обострило реакцию научного сообщества [Colombo 2018; Corbu, Buturoiu,

Durach 2017; Krzyżanowski, Triandafyllidou, Wodak 2018].

Многочисленные публикации новейшего периода посвящены риторике ненависти и языку вражды [Burnap, Williams 2015; Davidson et al. 2017; Sindoni 2018]. В научном поле выделяются исследования медиафреймов, формирующих негативные мнения о «чужих» и недружественно настраивающих аудиторию по отношению к этногруппам (от греч. *εχθ* – внешний, чужой). Многие авторы констатируют, что мигранты представлены крайне негативно, и в основе их репрезентации лежат предрассудки [Brändle, Eisele, Trenz 2019; Fengler et al. 2020; Greussing, Boomgaarden 2017; Kalfeli, Frangonikolopoulos, Gardikiotis 2020; Stavinoha 2019; Van Gorp 2005]. Речь, главным образом, идет о том, как профессиональные журналисты фреймируют миграцию в переживших кризис странах, таких как Бельгия [Van Gorp 2005], Италия, Испания, Греция [Veglis et al. 2021], Румыния [Corbu, Buturoiu, Durach 2017].

В настоящей работе решаются две задачи. Первая заключается в рассмотрении вопросов трудовой миграции с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы. Господствующая в лингвистике система взглядов дает возможность моделирования «картины» социального неблагополучия на основе осмысления практик цифровой коммуникации, которые не имеют статуса профессиональной журналистики, но существуют как источники данных о проблемах общества. Вторая задача состоит в том, чтобы осуществить анализ соотношенности включенных в дискурс языковых выражений (имен, именных групп, предикатов) с субъектами экстралингвистической действительности (референтами), участвующими в миграционных процессах. Это позволит выявить специфику миромоделирования в отношении трудовых мигрантов и обсуждаемого социального явления в целом.

Методологическими установками, лежащими в основе исследования, являются положения об особенностях ментально-языкового представления действительности в дискурсе и роли репрезентационных структур в конструировании социальной реальности. Ключевые послышки обнаруживаются в социокогнитивной теории дискурса [van Dijk 2016], критической лингвистике [Wodak 2006], когнитивной лингвистике [Болдырев 2013, 2020; Интерпретация... 2017; Заботкина, Позднякова

2022; Кубрякова, Демьянков 2007], теории текстовых миров [Gavins & Lahey 2016; Ogneva, Stepanova, Chikovani 2022]. Анализ указанных публикаций позволил выработать понимание ключевых терминов: миромоделирования и репрезентационной структуры.

Миромоделирование – структурирование информации о действительности, производимой и воспроизводимой в дискурсе, которое приводит к образованию репрезентационных структур [Кушнерук 2018]. Когнитивный аспект миромоделирования обусловлен ментальными процессами обработки поступающей информации, дискурсивный (языковой) аспект связан с актуализацией знаний и представлений (формами текстуальности) в конкретных речевых практиках с учетом широкого социального контекста. Для обозначения двуединства используется терминосочетание *когнитивно-дискурсивное миромоделирование*.

Обсуждаемый феномен тесно связан с понятием **репрезентации**, востребованным в социальном познании в целом в значении «представления одного в другом и посредством другого» [Постмодернизм 2001: 651]. Рефлексия над «вечным» вопросом языкознания о соотношении языка и мышления в плоскости когнитивно-дискурсивных изысканий позволяет выделить двуплановый модус существования репрезентации как важную онтологическую характеристику [Кубрякова, Демьянков 2007]. С одной стороны, репрезентация имеет когнитивную природу, ассоциируется с работой сознания и мыслительной активностью (ср. *ментальная репрезентация*), с другой, – воплощается формами языка в дискурсивных практиках (ср. *вербальная (языковая) репрезентация, объективированная ментальная репрезентация*).

Понятие репрезентации в дискурсологии функционально преломляется. Это обуславливает появление термина **репрезентационные структуры** – объективируемые в дискурсе ментальные конструкты разной степени концептуальной сложности, которые соотносятся с процессами и результатами представления мира и/или его фрагментов в коммуникативном контексте, накладывающем ограничения на процессы смыслопорождения [Кушнерук 2019].

Обосновывая необходимость введения указанного термина для изучения дискурсивных практик, мы принимаем за основу разграничение концептуальных структур на концептуально-

простые и концептуально-сложные, предложенное Н.Н. Болдыревым [Интерпретация ... 2017: 34]. Дискурсивный мир и текстовый мир являются разновидностями репрезентационных структур, содержание которых не может быть исчислено простым перечнем признаков (что отличает их от конкретно-чувственных образов, схем, представлений, понятий). Они представляют собой структуры «интегрированного знания», объединяющие разнотипные компоненты, «репрезентирующие реальность» и ее «части», и генерируются в дискурсе (по Дж. Гевинс). В европейской научной традиции подчеркивается их противопоставленность друг другу и одновременно возможность пересечения и полного совпадения [Tincheva 2018: 298].

Дискурсивный мир профилируется относительно базы «реального мира». Его нередко приравнивают к ситуационному контексту вокруг речевого события между взаимодействующими участниками, а текстовый мир определяется как концептуальный сценарий, представляющий сиюминутное положение дел [Werth 1999: 83]. В отличие от этой трактовки, уходящей к «узкому» пониманию дискурса, мы характеризуем дискурсивный мир как многокомпонентную концептуально-сложную структуру, которая моделируется на основе широкой совокупности разнообразных в жанровом отношении текстов, объединенных в тематическом, коммуникативно-прагматическом и/или функционально-целевом планах.

Дискурсивные миры соотносятся с глобальным значением, индуцируемым типологически разными средствами текстуальности. Текстовые миры являются ментальными проекциями второго уровня, активизируемыми речевыми произведениями в пределах дискурсивного мира. Обсуждаемые репрезентационные структуры организованы по принципу «матрешки», т.е. в более объемном концептуальном пространстве обозримы «вложенные» элементы, отвечающие за детализацию [Кушнерук 2018].

Важно обратить внимание на то, что в классических работах, рассматривающих природу языкового означивания и вопросы лексической семантики [Падучева 2002; Кобозева 2004; Уфимцева 2004], усматривается тесная связь между репрезентативной функцией языка и **референцией** – соотношением высказываний (языковых выражений) с неязыковыми

предметами, объектами, явлениями вещного мира [Падучева 2002: 7]. Референты именных выражений (материальные сущности) отграничиваются от референтов предикативных конструкций (положение дел, ситуация, событие, процесс, состояние).

С учетом сказанного **референциальный аспект миромоделирования** выделяется нами, чтобы продемонстрировать, что взаимодействие различных референциальных статусов языковых выражений в текстах, связанных семантическими отношениями и объединенных коммуникативно, имеет принципиальное значение для определения характера содержания репрезентационной структуры и ее роли в моделировании социальных представлений о проблеме, вызывающей большой резонанс в российском обществе.

Отталкиваясь от этих рассуждений, мы используем понятие *дискурсивного мира трудовой миграции* для обозначения функционирующей в цифровой коммуникации концептуально-сложной структуры, которая кодируется модераторами и декодируется подписчиками каналов и моделируется на основе анализа совокупности текстов, объединенных соответствующей темой. В практической части исследования будут систематизированы субъектные центры и дана характеристика ключевых социальных акторов, вовлеченных в процессы трудовой миграции, определены оценки, высказываемые в отношении «иностранных специалистов» из Средней Азии.

3. Материалы и методы

Цифровая среда порождает новые дискурсивные форматы. В этом кругу особое место занимает Telegram, аудитория которого стремительно растет. Появление мессенджера в 2013 г. предопределило функционирование дискурсивной реальности, которую обозначают как телеграм-дискурс, понимая под этим совокупность полисемиотических произведений, связанных в тематическом, коммуникативно-прагматическом и/или функционально-целевом планах и получающих распространение по каналам Telegram [Будаев, Кушнерук, Курочкина 2022].

В настоящее время мессенджер рассматривается как информационно-политическое явление, способное мобилизовать людей в офлайне. Исключительная популярность платформы является следствием того, что многие

русские сообщества выбрали ее для обсуждения «острых» социальных вопросов. Инструменты конфиденциальности превратили Telegram в защищенное от внешнего контроля цифровое пространство, где любой может открыто высказывать свое мнение. В связи с этим проблема трудовой миграции в России получает более «откровенное» звучание.

Материалом для исследования послужили 1247 контекстов, отобранных методом сплошной выборки по ключевому слову «мигрант» из телеграм-каналов в период с 2019 по 2022 г. Изучение референциального аспекта миромоделирования в цифровой коммуникации о трудовых мигрантах предопределяет выбор следующих методов.

Осмысление дискуссионных научных проблем и уточнение базовых понятий в рамках проводимого исследования осуществляется благодаря общенаучному методу рефлексии. Для выявления проблемной социальной области используется метод наблюдения. Он реализуется как целенаправленное и систематическое изучение функционирования языка в цифровой коммуникации. Обращение к методу моделирования объясняется необходимостью реконструкции дискурсивного мира как вторичной репрезентации. Дискурсивный анализ в трактовке Т.А. ван Дейка [URL: <https://www.discoursestudies.org/>], является основным дисциплинарным методом, позволяющим сосредоточиться на феномене миромоделирования с учетом когнитивных, социальных, культурных и языковых факторов. Это дает возможность объединить формальный аспект анализа синтагматических отношений ключевой лексемы-репрезентанта с культурно-историческими аспектами интерпретации и обеспечить экспланаторность с опорой на широкий контекст (особенности культурной идентичности трудовых мигрантов, культурная ассимиляция мигрантов в России). Поскольку изучение ключевого слова *мигрант* в речевых условиях углубляет понимание того, какой вклад семантические и экспрессивно-эмоциональные свойства актуализируемой единицы вносят в характеристику субъекта и какова их роль в репрезентации явления, дополнительно применяется метод контекстуального анализа.

4. Результаты и дискуссия

Рассматриваемый аспект миромоделирования фокусирует внимание на

референциальных механизмах формирования социальной реальности в цифровой коммуникации. Анализ референциальных статусов, под которыми, вслед за И.М. Кобозевой, понимаются «способы соотнесения языковых выражений с действительностью» [Кобозева 2004: 228], позволяет выделить в дискурсивном мире трудовой миграции четыре субъектных центра (актанта, по У.Эко). Они являются конфигурационными элементами репрезентационной структуры (дискурсивного мира), представляющими социальных акторов четырех типов – трудовые мигранты, местные жители, контролирующие органы, бенефициары трудовой миграции. Уточним, что понятие **социального актора** ассоциируется с работами Т. ван Лэувэна, используется для обозначения участников социальных практик [Van Leeuwen 2008: 23], изучается в терминах текстовых воплощений моделей субъекта, как индивидуальных, так и коллективных [Koller 2009].

Семантика именных выражений и выражений сентенциального типа способствует более глубокому пониманию оценок разных сторон явления трудовой миграции, содержащихся во включенных в речь средствах, – в предметно-понятийном компоненте значения лексических единиц (например в обозначениях мигрантов *бандит, террорист, педофил*), в их коннотации (например ассоциативно-образный компонент лексемы *футболист* применительно к тем мигрантам, которые бьют ногами лежащих), а также пропозициональном содержании высказываний (*иностранцы специалисты из Средней Азии устроили массовую драку* и др.).

Приступая к анализу практического материала, важно подчеркнуть два момента. Во-первых, референциальная отнесенность отдельно взятых постов о трудовых мигрантах представляет частный случай в общем мире референции. Иными словами, «миниатюрное» воплощение положения дел в рамках текстового мира единичного поста создает индивидуальную проекцию одной из сторон социальной проблемы. Во-вторых, оценка социальных акторов и явления трудовой миграции градуируется на условной шкале «хорошо–плохо». Оценка является наиболее ярким представителем прагматического значения, которое слово или высказывание приобретает в речевой ситуации. Для нас важна мысль Н.Д. Арутюновой о социальной обусловленности оценки: «чтобы

интерпретировать оценочные предикаты ... нужна информация, относящаяся практически ко всем компонентам контекста» [Арутюнова 1988: 5]. Ср.:

Москвичи выгнали наглого мигранта-безбилетника из автобуса. Иностранный специалист на велосипеде и с огромной сумкой зашел в автобус, но решил не платить за проезд. Контролер предпенсионного возраста попыталась вежливо объяснить ему, что необходимо оплатить проезд или самостоятельно крутить педали. В ответ гастарбайтер в грубой форме начал говорить, что платить ничего не будет, потому что не хочет уменьшать свой доход. В итоге среднеазиатского «зайца» общими усилиями выгнали из автобуса, напоследок отвесив легкий пендаль (10.06.22).

В текстовом мире, генерируемом приведенным выше постом, выделяются два субъектных центра — мигрант и местные жители. Референциальный статус первого представлен совокупностью именных (*мигрант-безбилетник, иностранный специалист, гастарбайтер, среднеазиатский «заяц»*) и предикатных (*зашел в автобус, решил не платить, начал говорить, платить ничего не будет*) средств. Второй субъектный центр соотношен с действительностью посредством именных групп *москвичи, контролер предпенсионного возраста*, предикатной (*общими усилиями выгнали из автобуса*) и отпредикатной (*отвесив легкий пендаль*) конструкций.

Оценка поляризована. Мелиоративные смыслы формируют ракурс восприятия местных жителей (*вежливо объяснить*), пейоративные — мигрантов (*в грубой форме начал говорить*). Негативные ассоциации в отношении трудовых мигрантов закрепляют эпитеты (*наглый, грубый*), эвфемизм (*иностранный специалист*), используемый для избежания прямого наименования, метафора, имплицитная порицаемое явление (*заяц* — проезд без билета) и его этногеографическую атрибуцию (*среднеазиатский*). Перейдем к характеристике актуализаторов (языковых маркеров) названных субъектных центров как репрезентантов социальных акторов во внеязыковой действительности.

4.1. Трудовые мигранты

Трудовые мигранты воспринимаются как опасность. Кроме ключевой лексики *мигрант*, модераторы каналов используют сложные номинации *мигрант-исламист, мигрант-*

извращенец, мигрант-безбилетник, мигрант-педофил, узбек-эксгибиционист, гастарбайтер-педофил и др. Порядок следования «определяемое — определяющее» формирует регулярный способ словообразования, при котором определяющее называет порицаемое явление. В ряде случаев социально осуждаемый феномен является определяемым, например, *грабитель-мигрант, педофил-мигрант*.

На основе анализа регулярно встречающихся в телеграм-каналах лексем, словосочетаний и сочетаний слов (оборотов) была произведена систематизация наиболее частотных обозначений трудовых мигрантов, позволяющая выделить стилистически нейтральные, пейоративные, оксюморонные и эвфемистические репрезентации.

Стилистически нейтральные: *иностранцы, гастарбайтеры; трудовые мигранты, иностранные рабочие, этнические предприниматели, многонациональные торговцы, рабочая сила; мигрант из Средней Азии, уроженцы Средней Азии, уроженцы стран СНГ, мигранты из южных стран* и др. Данная группа выделяется с некоторой степенью условности по причине того, что композиционная семантика имен, называющих трудовых мигрантов, модифицируется в сторону пейоративности. Как отмечает Б.Ю. Норман, речь идет о контекстуальном «наведении сем», отсутствующих в системном значении слова [Норман 2019: 719].

Трудовых мигрантов нередко называют гастарбайтерами. Первоначально нейтральное значение лексики *гастарбайтер* — [нем. *Gastarbeiter* < *Gast* гость + *Arbeiter* рабочий] наемный рабочий, прибывший в европейскую страну из за границы с целью заработка (в ФПГ); иностранный рабочий [URL: <https://dic.academic.ru/>], — со временем употребления приобретает негативные коннотации. Думается, что семантика слова прогрессирует в сторону деградации, и это закрепляется комбинаторикой со словами-партнерами (ср. *антисоциальный образ жизни гастарбайтеров, гастарбайтеры взяли в заложники жителя, гастарбайтер зверски зарезал сторожа, гастарбайтера задержали* и пр.).

Пейоративные репрезентации трудовых мигрантов представлены списком, который постоянно пополняется и поэтому не является исчерпывающим: *этнобандиты, рабы, дикари,*

террористы, извращенцы, крысеныш, мастурбек, грабитель-мигрант, мигрант-безбилетник, абу-бандит, мигрант-извращенец; этнические бандиты, этнический криминал, этнический бизнес, диаспоральная коммерция, агрессивные мигранты, многонациональные воры, приезжие агрессоры, восставшие горцы, мигрант с Кавказа, иностранный убийца; специалисты с гор, толпа агрессивных кавказцев, нелегальный мигрант из Азербайджана, педофилы из Таджикистана, проститутки-трансгендеры из Средней Азии и др.

В семантике перечисленных лексических номинаций на первый план выходит понятие *стигматичной семы* [Реброва 2019], т.е. речь идет о таком компоненте значения, который обозначает порицаемое (отрицательное) качество лица (предмета), имеющее отражение в именовании. Например, семантика лексемы *этнобандит* содержит нейтральную сему — «относящийся к народу» (*этно*) — и стигматичный денотат — «участник банды, вооруженный грабитель» (*бандит*) [URL: <https://slovarozhegova.ru/>]. Их сочетание мотивирует отрицательную оценку социального актора.

Этот же эффект достигается, когда имя собственное используется в качестве нарицательного. Ср.: *Неизвестный мастурбек зашел в лифт дома вслед за местной девушкой. Дикарь даже не стал дожидаться пока дверь лифта закроется и начал домогаться. Девушка ударила иностранного специалиста и смогла выбежать из лифта* (11.07.22).

Мастурбек — тюркское (узбекское Masturbek) редкое имя образовано из Мастур — «скрытый; защищенный» + -бек. *Бек, бег, бик, бай, бий, би, бей* (тюрк. бэй, бэу) — дворянский титул у мелких феодальных владельцев или должностных лиц в странах Ближнего и Среднего Востока. || Добавление к имени в значении: господин. *Арслан-Бей. Измаил-Бей.* [Словарь русского языка, URL: <https://kartaslov.ru/>]. В вышеприведенном контексте использование имени в качестве нарицательного в совокупности с другими средствами референции (*дикарь, иностранный специалист*), а также ассоциация с медицинским термином усиливают обличительность оценки.

Разновидностью пейоративных являются **оксюморонные** репрезентации (как правило, в иносказательных контекстах), к которым, по аналогии со стилистической фигурой, относим контрастные соединения слов, вступающих в

противоречие по смыслу, при этом одно из них номинирует осуждаемое явление: *трудолюбивые педофилы из Средней Азии, банды иностранных специалистов.*

Заметную роль в дискурсивном отображении трудового мигранта играют **эвфемистические репрезентации**, дающие отправителю речи возможность производить политкорректный дискурс, избегать резких оценок, но вместе с тем конструировать убедительный коммуникативный портрет: *иностранный специалист* (вместо *трудовой мигрант из Средней Азии*), *этнические предприниматели* (вместо *преступные группы*), *обиженный специалист* (вместо *агрессивный мигрант*), *«новые русские»* (вместо *дельцы с высокими доходами в России*) и др. Эвфемизация обусловлена лингвокреативной деятельностью модераторов, она «маскирует агрессивную, негативную либо социально табуированную сторону» явления [Заботкина, Позднякова 2022: 55].

В телеграм-каналах эвфемизация используется как для номинации социального актора, так и для характеристики психологических качеств трудовых мигрантов. Типичными являются контексты, в которых актуализируется словосочетание *ген осторожности*. Ср.: *В Петербурге мигрант спровоцировал дорожный конфликт и попытался взять на испуг местного жителя, но тот легким джебом активировал ген осторожности у своего оппонента, тот мигром осознал, что численного преимущества нет и лучше, в этой ситуации, быстренько убежать* (14.08.22).

Есть основания полагать, что словосочетание *ген осторожности* становится прецедентным после того, как в 2018 году чемпион смешанных единоборств Олег Тактаров охарактеризовал бой между Х. Нурмагомедовым и К. Макгрегором, заявив, что он будет скучным, потому что у горцев есть ген осторожности: «Приходит сильное войско — они прячутся в горы, все куда-то деваются» [URL: <https://news.ru/sport/>]. В Telegram это словосочетание обозначает трусость как характеристику, приписываемую трудовым мигрантам, выражает юмор, основанный на внешней схожести событий при разном содержании.

4.2. Местные жители

Жители больших городов представлены жертвами мигрантского произвола.

Местные подвергаются различным формам физического насилия со стороны приезжих

(избиения, убийства, вымогательство, изнасилование и др.). Ср.: *Обстановка накаляется, район уже называют новосибирским гетто. Местных жителей довели до того, что они «с вилами» готовы выходить на проезжих* (14.08.22). Подчеркивается, что градус эмоционального недовольства горожан высок. Ср.: *Во Владивостоке пьяные мигранты избили пенсионера за просьбу не дебоширить и не шуметь по ночам* (1.08.22). *В Москве гастарбайтеры взяли в заложники местного жителя, ради получения выкупа. Мигранты вымогали у жертвы 500 тысяч рублей. Заложника избивали и требовали выкуп за свободу* (7.12.22). *В Москве мигранты живущие в «резиновой квартире» избили до полусмерти москвичку* (9.07.22). *В подмосковном Обухово, толпа мигрантов с ножами и камнями набросилась на отдыхающих, двоих русских парней порезали* (6.07.22).

Субъектный центр вводится в поле внимания именами и именными группами (*местные жители, пенсионер, жертва, заложник, москвичка, отдыхающие, русские парни*). Референция предикатов (*довели, избили, взяли в заложники, вымогали, набросилась*) закладывает представления о характере действий, совершаемых мигрантами в отношении жителей городов. Позиция обидчика закреплена за мигрантами, позиция жертвы – за местными.

Опираясь на когнитивную теорию метафоры [Будаев, Чудинов 2020], выделим типичную метафорическую проекцию в обсуждаемых дискурсивных условиях. Поляризация двух социальных акторов достигается регулярной актуализацией метафорической проекции ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ – ЗАХВАТЧИКИ. Ср.: *Многие жители Пущино еще помнят этот небольшой город как один из научных центров Подмосковья, но сейчас он фактически оккупирован вот такими «иностранцами» и фактически превращен в гетто* (19.07.22). *В автобусе, следующем по мигрантскому гетто в Новой Москве, два иностранных специалиста из Средней Азии затеяли драку* (13.07.22). *Обнинск – первый российский наукоград постепенно превращается в мигрантское гетто* (11.01.23).

Вектор ассоциаций соотносится с военной сферой-источником и формирует смысловое поле через представления о насильственном занятии чужой территории. Диапазон негативных характеристик трудовых мигрантов расширяется

за счет семантики лексемы *гетто*, содержащей семы «район города», «выделенный для изолированного проживания» [URL: <http://gramota.ru/slovari/>]. Синтагматическая вариативность употребления имени нарицательного раскрывается во многих других контекстах: *гетто со специалистами, новосибирское гетто, азиатское гетто* и др.

Жители российских городов эвфемистически представлены жертвами культурного обогащения. Вне контекста названное словосочетание имеет значение усложнения культуры, преумножения достижений за счет значимых для ее развития приобретений в виде традиций, обычаев, ценностей другой культуры. В постах о трудовых мигрантах запускается механизм антифразиса, лежащий в основе иронии, и лексема *обогащение* приобретает противоположный смысл. Акцентируется внимание на оскудении собственной культуры в результате взаимодействия с «иностранцами-специалистами». Россияне испытывают шок от поведения трудовых мигрантов. Ср.: *А это культурнообогащенная Москва. Трудолюбивый иностранный специалист куда-то спешит вместе со своей любимой овечкой, чтобы не опоздать они воспользовались общественным транспортом. Местных жителей такое, конечно, шокирует, но скоро привыкнут* (6.12.2022).

В приведенном примере для обострения эмоционального восприятия нестыковки «своих» и «чужих» культурных обычаев и неприемлемости поведения в России используются мультимодальные возможности мессенджера. В пост интегрируется фотография человека среднеазиатской внешности, который едет в салоне автобуса и держит рядом привязанную на веревку овечку.

4.3. Контролирующие органы

Субъектный центр формирует собирательное представление о властных структурах в целом и компетентных органах, включая полицию, суды, местную администрацию. В основе дискурсивной репрезентации социального актора – оценка действий коллективного субъекта, отличающаяся амбивалентностью. С одной стороны, обнаруживается тенденция к конструированию политкорректного дискурса, с другой – обнажается «мягкая» критика исполнительной власти, наделенной полномочиями для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан.

Политкорректные оценки преимущественно создаются благодаря эвфемизации, метафоризации и «якорению» на прецедентности. Ср.: *Приехавшие полицейские и росгвардейцы оказались не очень нежны* (23.06.22). В данном контексте имплицитно мелиоративная оценка работы компетентных органов. Основой маскировки реальных действий служит эвфемизация: *оказались не очень нежны* подразумевает применение физической силы к трудовым мигрантам.

Эвфемизация нередко сочетается с опорой на прецедентные феномены и метафорические средства, благодаря которым в пространстве дискурсивного мира визуализируется образ полицейских. Ср.: *На видео отчетливо видно, что мигрант, чувствуя численный перевес ударил первый, потом налетает толпа и следуют удары со спины. Коты Леопольды в полицейской форме драку осторожно разняли, так чтобы не повредились шкурки приезжих агрессоров, однако потерпевшие получили телесные повреждения: у одного сломан нос, у второго выбиты несколько зубов* (27.10.22).

Персонаж известного мультфильма символизирует дружелюбного пацифиста, традиционно ассоциируется с долготерпением, интеллигентностью, добротой и воспитанностью, отличающими его «дружбу» с мышами. Семантический шлейф прецедентного имени, включающий мелиоративные смыслы, становится атрибутом полиции как социального актора, ответственного за решение конфликта. Выбор лексических средств выступает приемом оправдания: *драку разняли осторожно, чтобы не повредились шкурки*. Метафора «шкурки» вводит в фокус внимания противостоящих полицейским трудовым мигрантам (антагонистов-грызунов), которым нанесены увечья.

Вместе с тем репрезентация контролирующих органов во многих постах основана на речевой критике. Регулярно эксплицируется отрицательная оценка. При этом она может быть прямой и косвенной, эмоциональной и рациональной, интенсифицированной и деинтенсифицированной.

Прямая оценка осуществляется посредством выбора лексических средств, обозначающих бездействие полиции (*игнорирует*), а также указания на социального актора (жители), которому наносится урон. Ср.: *Мигранты поставили на газоне ларек, в котором*

торгуют фруктами и овощами. Кругом антисанитария, распространяется запах гнили, мусор, местные жители даже видели крыс. На возмущение жителей дома, перед окнами которого размещена нелегальная торговая точка, дикари отвечают агрессией. Местная полиция игнорирует граждан (5.07.22).

В приведенном примере критика полиции получает усиление за счет контраста и обличительной семантики имен, которая передается компонентами значения лексем (далее в скобках), используемых для характеристики действий трудовых мигрантов: *антисанитария* (негигиеничность), *гниль* (попорченное тлением), *мусор* (отбросы), *дикари* (некультурный человек, варвар), *помойка* (место для отходов).

В большинстве случаев дается **косвенная оценка** действий компетентных органов. В следующем контексте аргументация основывается на факте отсутствия уголовного дела против трудового мигранта, совершившего убийство человека. Ср.: *Полиция более полугода не возбуждает дело на мигранта, расстрелявшего человека* (5.08.22). Утверждение не содержит прямой критики полиции, но является стимулом для логического вывода о ее нерасторопности.

Проблема замедленной реакции правоохранительных органов на совершаемые трудовыми мигрантами преступления часто представлена благодаря конвергенции средств разных уровней, используемых в экспрессивной функции. Это **интенсифицирует** негативную оценку полиции как ответственного за поддержание порядка. Ср.: *Все происходит в конце августа. Господин полицейский говорит, что за последнее время мигранты из Средней Азии совершили большое количество тяжких преступлений, из них 5 изнасилований, в том числе несовершеннолетних. Гастарбайтеры пьют водку на детских площадках. Это все говорит полицейский. В конце своего монолога страж порядка заключает, что если такое будет продолжаться, то ничего хорошего не будет. Сотрудник местной администрации вторит ему, у нас толерантная страна, мы очень приветливые, живем дружно, пожалуйста, мистер гастарбайтер, не насилуй наших детей. Как вы считаете насколько эффективны такие внушения?* (21.10.22).

Один и тот же референт обозначен по-разному: представитель полиции – *господин*

полицейский, полицейский, страж порядка, трудовые мигранты – *мигранты из Средней Азии, гастарбайтеры, мистер гастарбайтер*. Словосочетание *страж порядка* содержит стилистическую коннотацию, маркированную пометами *патет.* и *ирон.* [URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov>], указывающими на экспрессию, что вскрывает ироническую концептуализацию уполномоченного лица. Номинация *господин полицейский* также создает иронию. Лексическим партнером слова *полицейский* по синтагматической цепи является существительное *господин*. Такое словосочетание не является общепринятым речевым средством, используемым для обозначения российских полицейских. В слове *господин* актуализируются семы ‘из привилегированных кругов’, ‘важный’, ‘сановный’ [URL: <https://slovarozhegova.ru/>], которые, как представляется, наводят окказиональное значение, лежащее в основе осуждения.

Введение в фокус внимания другого участника (местной администрации), не несущего прямой ответственности за совершение тяжких преступлений, **деинтенсифицирует** негативную оценку и опосредует критику полиции. Язвительная насмешка, выражающая протест говорящего против бездействия органов, реализуется через концентрацию идеологических смыслов со знаком «минус». Выражение *у нас толерантная страна* актуализирует представления о демократическом государстве, в котором люди с пониманием и уважением относятся к чужому мнению и поведению (*мы очень приветливые, живем дружно*). Инклюзивное использование местоимений (*нас, мы*) способствует созданию эффекта массовости и указывает на общее безразличие к социальному неблагополучию.

Нетипичную композиционную семантику демонстрирует словосочетание *мистер гастарбайтер*. Лексема *мистер*, которая называет лицо мужского пола и представляет собой узнаваемое обращение к мужчинам в англоязычных странах, обычно не сочетается со словом *гастарбайтер*. Окказиональная коллокация в функции обращения актуализирует издевку и обнаруживает «логическое несоответствие» между концептуальным содержанием (*не насилуй наших детей*) и формой вежливой просьбы (побудительное речевое действие со словом *пожалуйста*), в которой оно представлено. Вопросительная конструкция (*Как*

вы считаете насколько эффективны такие внушения?), адресованная подписчикам канала, способствует усилению общественного резонанса по поводу тяжких преступлений, совершаемых мигрантами.

Конвергенция разнотипных речевых средств служит достижению прагматической цели модератора канала — обострить внимание к проблеме как со стороны власти, так и со стороны общественности, не допуская прямой критики в адрес компетентных органов.

4.4. Бенефициары трудовой миграции

Понятие *бенефициар* (от англ. *beneficiary*) используется для обозначения выгодоприобретателя. Им могут быть лица (группы), которые получают доход или прибыль от трудовой миграции, как легальным, так и нелегальным способом, – бизнесмены, заинтересованные в дешевой рабочей силе, посредники, получающие процент от заработной платы мигрантов, администраторы миграционной инфраструктуры, оказывающие услуги для государства, бизнеса и трудящихся иностранных граждан.

В телеграм-каналах субъектный центр объективируется в связи с легализацией деятельности трудовых мигрантов как доходного бизнеса, осуществляемого по преступным схемам. Ср.: *Две жительницы Красноярска организовали масштабный бизнес по легализации мигрантов. Предприимчивые дамы, менее чем за год, помогли встать на фиктивный миграционный учет 4 тыс. иностранных специалистов. Преступницы выписывали трудовые соглашения с несуществующим работодателем* (10.07.22). Референциальный аспект пропозиционального содержания дает представление о криминальном характере предпринимательства: *предприимчивые дамы, фиктивный миграционный учет, преступницы, несуществующим работодателем, организовали масштабный бизнес*.

В абсолютном большинстве постов вектор осмысления легализации задает ассоциативная связь между вовлеченными участниками и деятельностью вне закона. В дискурсивном мире формируется обширная смысловая парадигма, которая актуализируется разнообразными речевыми формами. Ср. *многонациональная банда занималась легализацией мигрантов; незаконный бизнес по легализации гастарбайтеров; использование поддельных документов с целью легализации; фиктивные*

браки с мигрантами; незаконная постановка иностранцев на миграционный учет и др.

В данном бизнесе ведущую роль играют представители этнических диаспор – таджикской, узбекской, азербайджанской. Ср.: *В Чувашии предприимчивые представители таджикской диаспоры организовали прибыльный бизнес по легализации иностранных специалистов в регионе (8.07.22). Для чего нужна диаспора? Например, чтобы организовывать незаконную миграцию своих соотечественников. В Воронеже предприимчивый глава узбекской диаспоры организовал банду из числа своих земляков, чтобы легализовывать иностранных специалистов за деньги (1.07.22).*

Обращает на себя внимание, что во всех приведенных примерах бенефициары трудовой миграции (*дамы, преступницы, представители таджикской диаспоры, глава узбекской диаспоры*) квалифицируются как *предприимчивые*. Регулярное употребление дескрипции для характеристики социального актора вскрывает ироничную оценку, запрятанную в оболочку иносказания. Думается, что такой прием служит инструментом политтехнологий для «ненавязчивого» внедрения идеи неприятия трудовой миграции в среде подписчиков.

5. Заключение

Методология, основанная на интеграции положений о природе означивания и важности исследования ментальных аспектов дискурса в широком контексте, позволяет взглянуть на проблему репрезентации с учетом когнитивных, коммуникативных и социальных факторов. Идея о том, что информация о действительности и ее фрагментах структурируется сознанием, а затем особым образом оязыковывается средствами текстуальности, приводит к развитию понятий миромоделирования и репрезентационной структуры.

Для обозначения концептуально-сложного конструкта, который соотносится с процессами и результатами представления социальной проблемы российских городов в цифровой коммуникации, обосновывается понятие дискурсивного мира трудовой миграции. Референциальный аспект миромоделирования устанавливает вектор изучения репрезентации (недискретного опыта) в терминах дискретных категорий, что дает возможность выделить четыре субъектных центра – трудовые мигранты,

местные жители, контролирующие органы, бенефициары.

Для оценочной квалификации трудовых мигрантов используются стилистически нейтральные, пейоративные, оксюморонные и эвфемистические репрезентации. Их функция заключается в усилении негативных аспектов характеристики специалистов из Средней Азии. В концептуальном пространстве дискурсивного мира трудовые мигранты и жители городов находятся в оппозиции друг к другу. Характер отношений между ними устанавливается референтами именных групп и предикативных конструкций и отличается полярностью смыслов. Первый из социальных акторов выступает обидчиком, второй – жертвой, что ведет к противопоставлению пейоративных и мелиоративных оценок. Репрезентация контролирующих органов, ответственных за порядок и легитимность миграционных процессов, носит амбивалентный характер. Стремление одновременно придерживаться принципов политкорректности и демонстрировать критику в отношении компетентных институтов обуславливает конвергенцию средств, выражающих прямые, косвенные, рациональные, эмоциональные, интенсифицированные и деинтенсифицированные оценки. Репрезентация бенефициаров трудовой миграции высвечивает грань социальной проблемы за счет приращения смыслов о криминальной активности этнических групп, участвующих в легализации деятельности иностранных специалистов в российских городах.

Результаты работы вносят вклад в развитие когнитивно-дискурсивных исследований. Перспективно продолжать изучение того, какие репрезентационные структуры создаются в относительно свободной от цензуры цифровой коммуникации по поводу социальных проблем. В практическом плане это может оказаться полезным для предотвращения распространения этнокультурных предрассудков и ксенофобии за пределами виртуального пространства.

Список литературы / References

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. [Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytie. Fakt.* M.: Nauka, 1988].

Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 5-13. [Boldyrev N.N. *Aktual'nye zadachi*

kognitivnoy lingvistiki na sovremennom etape // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2013. № 1. S. 5-13.]

Болдырев Н.Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. № 2. С. 5-25. [Boldyrev N.N. Kognitivnyy podkhod v lingvistike i smezhnykh oblastiakh znaniya // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2020. № 2. S. 5-25.]

Будаев Э.В., Кушнерук С.Л., Курочкина М.А. Коммуникативное сопровождение массовых протестов в СМИ. СПб.: Научное издание технологий, 2022. [Budaev E.V., Kushneruk S.L., Kurochkina M.A. Kommunikativnoe soprovozhdenie massovykh protestov v SMI. SPb.: Naukoemkie tekhnologii, 2022.]

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Политическая метафорология на современном этапе развития (2010–2019 гг.) // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. № 3. С. 56-70. [Budaev E.V., Chudinov A.P. Politicheskaya metaforologiya na sovremennom etape razvitiya (2010–2019 gg.) // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2020. № 3. S. 56-70.]

Заботкина В.И., Позднякова Е.М. Когнитивные механизмы эвфемизации манипулятивного характера // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2022. № 4. С. 55-64. [Zabotkina V.I., Pozdnyakova E.M. Kognitivnye mekhanizmy evfemizatsii manipulyativnogo kharaktera // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2022. № 4. S. 55-64.]

Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов, 2017. [Interpretatsiya mira v yazyke: kollektivnaya monografiya. Tambov, 2017.]

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Kobozeva I.M. Lingvisticheskaya semantika. M.: Editorial URSS, 2004]

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2007. № 4. С. 8-16. [Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z. K probleme mental'nykh reprezentatsii // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2007. № 4. S. 8-16.]

Кушнерук С.Л. Развитие теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования за рубежом и в России // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 4. С. 115-125. [Kushneruk S.L. Razvitie teorii kognitivno-diskursivnogo miromodelirovaniya za rubezhom i v Rossii // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2018. № 4. S. 115-125.]

Кушнерук С.Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации:

монография. М.: ФЛИНТА, 2019. [Kushneruk S.L. Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie: opyt sopostavitel'nogo issledovaniya reklamnoy kommunikatsii: monografiya. M.: FLINTA, 2019.]

Норман Б.Ю. Синтактика, когниция и композиционная семантика // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 3. С. 714-730. [Norman B.Yu. Sintaktika, kognitsiya i kompozitsionnaya semantika // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. T. 23. No 3. S. 714-730.]

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Едиториал УРСС, 2002. [Paducheva E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy). M.: Editorial URSS, 2002.]

Постмодернизм: энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. Минск, 2001. [Postmodernizm: entsiklopediya / sost. A. A. Gritsanov, M.A. Mozheyko. Minsk, 2001.]

Реброва Н.Е. Лексикографический статус эвфемизмов как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации (на материале английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2020. [Rebrova N. E. Leksikograficheskiy status evfemizmov kak yazykovykh sredstv reprezentatsii lingvokul'turnoy informatsii (na materiale angliyskogo i nemetskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. Yaroslavl', 2020.]

Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Ufimtseva A.A. Tipy slovesnykh znakov. M.: Editorial URSS, 2004.]

Brändle V.K., Eisele O., Trenz H.-J. Contesting European Solidarity During the "Refugee Crisis": A Comparative Investigation of Media Claims in Denmark, Germany, Greece and Italy // *Mass Communication and Society*. 2019. 22 (6). P. 708-732.

Burnap P., Williams M. L. Cyber Hate Speech on Twitter: An Application of Machine Classification and Statistical Modeling for Policy and Decision Making // *Policy & Internet*. 2015. 7 (2). P. 223-242.

Colombo M. The Representation of the "European Refugee Crisis" in Italy: Domopolitics, Securitization, and Humanitarian Communication in Political and Media Discourses // *Journal of Immigrant & Refugee Studies* 2018. 16 (1-2). P. 161-178.

Corbu N., Buturoiu R., Durach F. Framing the Refugee Crisis in Online Media: A Romanian Perspective // *Romanian Journal of Communication and Public Relations*. 2017. 5-17.

Davidson T., Warmesley D., M. Macy M., Weber I. Automated Hate Speech Detection

and the Problem of Offensive Language // In proceedings of the eleventh International AAAI conference on Web and social media (ICWSM 2017). 2017. URL:

http://sdl.soc.cornell.edu/img/publication_pdf/hatespeech_detection.pdf.

Fengler S., Bastian M., Brinkmann J., Zappe A. C., Tatah V., Andindilile M., Assefa E. et al. Covering Migration – in Africa and Europe: Results from a Comparative Analysis of 11 Countries // *Journalism Practice*. 2020. 1-21.

Gavins J., Lahey E. (eds). *World Building: Discourse in the Mind*. Bloomsbury. 2016.

Greussing E., Boomgaarden H. G. Shifting the Refugee Narrative? An Automated Frame Analysis of Europe's 2015 Refugee Crisis // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017. 43 (11). P. 1749-1774.

Kalfeli N., Frangonikolopoulos C., Gardikiotis A. Expanding Peace Journalism: A new Model for Analyzing Media Representations of Immigration // *Journalism*. 2020.

Koller V. Analysing collective identity in discourse: social actors and contexts, *Semen* [Online], 27 | 2009. URL: <http://journals.openedition.org/semen/8877>.

Krzyżanowski M., Triandafyllidou A., Wodak R. The Mediatization and the Politicization of the “Refugee Crisis” in Europe // *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. 2018. 16 (1-2). P. 1-14.

Ogneva E.A., Stepanova L., Chikovani T.V. Modeling of text and discourse worlds, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2022. 8 (1). P. 79-92.

Sindoni M.G. Direct Hate Speech vs. Indirect Fear Speech. A Multimodal Critical Discourse Analysis of the Sun's Editorial ‘1 in 5 Brit Muslims’

Sympathy for Jihadis’ // Lingue e Linguaggi. 2018. 28. P. 267-292.

Stavinoha L. Communicative Acts of Citizenship: Contesting Europe's Border in and Through the Media // *International Journal of Communication*. 2019. 13. P. 1212-1230.

Tincheva N. Discourse-world profiling expressions: contrasting data from British and Bulgarian political speeches // *Language Close Up*. Sofia: Sofia Univ. Press, 2018. P. 297-317. URL: https://www.researchgate.net/publication/331198543_discourse_world_profiling_expressions_contrasting_data_from_british_and_bulgarian_political_speeches (дата обращения 12.11.2022).

Van Dijk T. Sociocognitive Discourse Studies // *Richardson J., Flowerdew J.* (eds). *Handbook of Discourse Analysis*. Routledge. 2016. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Sociocognitive%20Discourse%20Studies.pdf>.

Van Gorp B. Where is the Frame? Victims and Intruders in the Belgian Press Coverage of the Asylum Issue // *European Journal of Communication*. 2005. 20 (4). P. 484-507.

Van Leeuwen T. 2008. *Discourse and practice: new tools for critical discourse analysis*. Oxford University Press. 2008.

Veglis A., Splendore S., Saridou T., Matsiola M., Oller Alonso M., Blanco-Herrero D., Arcila Calderón C. Framing Migration in Southern European Media: Perceptions of Spanish, Italian, and Greek Specialized Journalists // *Journalism Practice*. 2021.

Wodak R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA // *Discourse Studies*. 2006. № 8 (1). P. 179-190.

REFERENTIAL ASPECT OF WORLD-MODELLING IN DIGITAL COMMUNICATION ABOUT MIGRANT WORKERS

S.L. Kushneruk

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia)

Svetlana_kush@mail.ru

The author draws on the cognitive-discursive approach to the study of labour migration as a topical social problem of big Russian cities.

The objective of the paper is to explore the discursive mechanisms of the world-modelling in the virtual communication about the working migrants. The term ‘discourse-world of labor migration’ is introduced and used to denote a representational structure, textualized in the digital communication about the migrants from Central Asia, arriving in Russian cities in search of work.

The research corpus contains posts retrieved from the Telegram channels. The selection includes 1247 contexts in the period from 2019 to 2022. The referential aspect is central to the research. We argued that four categories of social actors are identified in the discourse-world – migrant workers,

local residents, authorities, beneficiaries, each category being analyzed in terms of discourse construal. We proved that the evaluation of the labour migrants is mainly negative. The author analyzed the relationships between the social actors through the reference of noun groups and predicates.

The results of the research might present interest to discourse analysts for further investigation of the specifics of cognitive-discursive world-modelling.

Key words: world-modelling, representation, reference, digital communication, migration, labor migrants, social actors.

For citation: Kushneruk, S. L. (2023). Referential aspect of world-modelling in digital communication about migrant workers. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 3, 112-124 (In Russ.).